

УДК 811.161.1

В.И. Муминов**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МАКСИМАЛЬНОЙ ЭКСПРЕССИИ В ПОВЕСТИ
С. АЛЕКСИЕВИЧ «ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ»**

Статья посвящена исследованию средств выражения максимальной экспрессии, которыми насыщен текст повести С. Алексиевич «Последние свидетели». Отмечена и классифицирована в первую очередь знаменательная лексика, выражающая крайние психологические и эмоциональные состояния персонажей. Отдельно рассматриваются местоименные слова и незнаменательная лексика, которые часто взаимодействуют друг с другом, создавая экспрессивные выражения и конструкции со значением градации, высокой степени проявления признака и др. Выделены стилистические приемы, повышающие экспрессию произведения, оптимизирующие ритмико-интонационную структуру речи, насыщающие ее смысловой и стилистической информацией.

Ключевые слова: максимальная экспрессия, интенсификаторы, интенсивы, экспрессивизация.

Смысл любого художественного произведения мы раскрываем через постижение его языка. Особенно плодотворно обращение к «языковой стихии» тех произведений, в которых слово является не только предметом изображения, но и средством выражения (максимальной экспрессии, интенсивности признака, эмоциональных оценок и т. д.). Одним из таких произведений является повесть С.А. Алексиевич «Последние свидетели», написанная рукой человека, обладающего особым даром сопереживания, который входит как обязательная часть в талант писателя, журналиста, художника.

«Последние свидетели» – это воспоминания о Великой Отечественной войне детей, которым на момент её начала было от трёх до двенадцати лет. В ней нет как такового сюжета, а главные герои – не вымышленные, а реальные люди. Книга представляет собой череду фрагментов из интервью, связанных тематически и хронологически – от начала войны к Победе. Ее язык призван воздействовать на читателя, способствовать появлению эмоционально-экспрессивной реакции, переживаемого чувства, отношения.

Первостепенная роль в этом процессе принадлежит рассказчику («последнему свидетелю»). Участие автора как творческой языковой личности минимально. Он дает выговориться своим героям, делая лишь скупые пояснения о рассказчике. Но в его «незримом присутствии» реализуется: а) стремление управлять процессом восприятия рассказов «последних свидетелей» минувшей войны; б) способность создавать эффект усиленного восприятия (стилистического впечатления); в) отражение пронзительной правды, психологизма речи, что делает ее живой, максимально фиксирующей чувства человека, пережитые в разные периоды жизни; г) установка на экспрессивизацию, актуализирующая выразительные возможности текста и др.

Стремление к экспрессии побуждает прибегать к различным средствам, и средства эти чрезвычайно разнообразны: знаменательные слова, местоимения и незнаменательная лексика, фразеологические единицы, стилистические приемы и др. Например: *Тогда я впервые испугалась, что останусь одна, а мама уедет. Пока мама рядом, ничего не было страшно. А тут я онемела от страха* [1. С. 242]; *И мы удивлялись, почему громко, навзрыд плачет мать. Только позже поняли, какая беда пришла к нам* [1. С. 257]; *А я ненавидела себя отчаянно. Стеснялась... Но виши и чирья... Зуд же нестерпимый... хуже худшего. Отец увидел меня и кинулся ко мне первый. Но тут же брезгливо поморщился... так обидно стало. Так невыносимо горько... и это ужалило меня в самую душу* [1. С. 361].

Выражение максимальной экспрессии, интенсивности признака, предельности значения применительно к именам существительным во многих случаях уже включено в само слово (*ужас, фашист, взрыв, дурак, ироды, восторг, рев, божество, дикари, вкусытина, каратели, отвращение, брезгливость, ненависть, потрясение* и др.). В качестве примеров субстантивных интенсивов, содержащих интенсему в своих основных (прямых) значениях, отметим микрогруппу существительных деструктивного изменения, вызванного как случайными, так и закономерными причинами: *война, расстрел, потрясение, смерть, смертоубийство, истерика, трагедия, блокада, пожарище, победа, погром, беда, эвакуация* и др. Ориентация на подобные тематические группы субстантивных интенсивов обуславливает их роль как ключевых слов, фокусирующих тот образ мира, который являет-

ся объектом авторского изображения. Например: *На границе – провокация...* [1. С. 364]; – *Папа, это гроза?... – Отойди от окна, это – война* [1. С. 363].

Сами существительные также способны выступать интенсификаторами, что обусловлено синтаксическими функциями имени (определение, приложение, сказуемое), вхождением в определенные грамматические конструкции фразеологизированного характера. Например: *Это была трагедия* [1. С. 246]; *Началась война с Гитлером* [1. С. 255]; *...это страх. И еще – голод* [1. С. 261]; *... повторяла одно слово «ироды»* [1. С. 289]; *Ты – убийца* [1. С. 297].

Действенным средством экспрессивизации высказывания является включение существительных в градационные ряды, заполненные синонимами, которые передают увеличение степени признака. Например: *Наступала ночь, и для меня это было мучение, кошмар* [1. С. 261]; *То, что я тогда испытала, не могу назвать страхом, это было что-то страшнее страха. Это был ужас...* [1. С. 279].

Обилие прилагательных-определений усугубляет значение «предельности» того или иного существительного. Так, слова *визг, страх, восторг*, сами по себе экспрессивные, кажутся рассказчику еще не достаточно выразительными, поэтому он ставит перед ними определение, подчеркивающее полноту предельной осложненности слова. Например: *Через пять минут раздался крик моего брата, страшный визг* [1. С. 263]; *Был животный страх перед этим огнем* [1. С. 238]; *... И вот мама нашла меня и приехала в детдом. Это было так неожиданно. Восторг! Бегу к маме... Полный восторг!* [1. С. 359]; *Все это привело меня в неопишуемый восторг!* [1. С. 362].

Значение предельности, высшей степени экспрессивного напряжения достигается и в том случае, когда используется слово по сути нейтральное, но контекст (сочетание с определением) усиливает в нем значение наивысшей степени проявления признака: *... сегодня кому-то хочется уже большой войны, вселенской Хиросимы, в атомном огне которой дети испарялись бы, как капли воды, засыхали бы, как страшные цветы* [1. С. 230].

Имена прилагательные можно разделить на несколько микрогрупп в зависимости от обусловленности семантико-словообразовательных связей с мотивирующими словами: а) **эмоционального**, а также **эмоционально-интеллектуального отношения говорящего к предмету сообщения**, которые обозначают виды регулярно испытываемых рассказчиком эмоций, возникающих у них под воздействием свойств или явлений действительности (*страшное, ужасный, проклятый, мертвый, поразительное, черные, убитый, атомный, голодный, фашистский, сумасшедшая и др.*). Например: *... для меня люди – это что-то страшное, разговаривать ни с кем не умела...* [1. С. 310]; *И вот произошел со мной ужасный случай...* [1. С. 310]; б) лексемы группы **резкий, громкий, утробный, светящиеся, острая** и др., являющиеся по происхождению выразителями сенсорной оценки силы звука, света, тактильных ощущений, то есть свойств и процессов, способных оказывать сильное воздействие на читателя: *Проснулась от страшного крика, глаза открыть не могла, в лицо бил яркий и резкий свет* [1. С. 333]; в) лексемы группы **непостижимо, нестерпимый, ненаглядный, неопишуемый и др.**, которые указывают на то, что сенсорные возможности, ментальные и этические способности говорящего ограничены в плане оценки и выражения степени градуируемого признака: *Уму непостижимо, но мы начали учебу...* [1. С. 336]; *Зуд же нестерпимый* [1. С. 336]; г) лексемы группы **вселенское, трагическое, таинственное, чудесное и др.** своей внутренней формой указывают на такую высокую степень признака, которая представляется повествователю нереалистичной, выходящей за пределы нормы, естества: Например: *Место было чудесное, погода прекрасная* [1. С. 276]; *Весь день я жду маму, придет что-то необыкновенное, какое-то счастье* [1. С. 310]; д) адъективы параметрической семантики **великий, огромный, громадный и др.**, указывающие на высокую степень интенсивности признака: **Великий** страх обнял мое сердце... [1. С. 348]; *Ходили мы с огромными животами...* [1. С. 240]; е) конфиксальные лексемы с начальным **без-/бес-**: *Человек беспамятный способен породить только зло и ничего другого, кроме зла* [1. С. 234]; *Мама – это было спасение... Ночью я всегда спала рядышком с ней, чем теснее, тем безопаснее* [1. С. 242].

Выбор подобных прилагательных чаще всего связан с их внутренней формой и ориентирует на восприятие слова в его семантической дву-, многоплановости. Широкие экспрессивные возможности данных единиц предопределяют их использование с целью создания разнообразных стилистических эффектов, стилистического впечатления. Максимальное проявление интенсивности признака находит свое воплощение и в использовании форм превосходной степени прилагательных с целью усиления содержательной и выразительной сторон высказывания: *Первое воспоминание трехлетнего Володи Шаповалова, как вели на расстрел их семью и ему казалось, что мать кричала громче всех...* [1. С. 231]; *На земле*

самый лучший народ – дети [1. С. 237]; *Если взрослая память рисует узор, дает объемную картину прошлого, пережитого, то детская выхватывает наиболее яркие и трагические моменты* [1. С. 234]; ... *выбирали самых талантливых детей* [1. С. 333]. В формировании и отражении интенсивности признака участвуют и словообразовательные «степени качества»: *Был там старей-старый немец, кормил собак* [1. С. 253]; *Они дотрагивались до нашего голенького тела* [1. С. 349].

Исходя из грамматической природы глагольных слов, более характерной для них является роль интенсификаторов – единиц, совмещающих указание на признак и его усиление. Присущая данной части речи внутренняя экспрессивность имеет разнообразные варианты, приобретающие в авторской картине мира наибольшую актуальность: а) предикаты интенсификации перемещения: *вбросили, гнал, бежали, вскочил, удрала, убежала, втолкнули* и др. Например: *Выскочили мы все на крыльцо: «Папа!» Отец увидел нас и, как сейчас помню, закрыл голову руками и пошел, даже побежал...* [1. С. 237]; *Я ее гоню: «Иди домой», а она за мной* [1. С. 238]; *В третьем классе я удрала из детдома...* [1. С. 240]; б) предикаты производительной или деструктивной деятельности: *сжигали, обрываем, уничтожаем, закапывали, погибли, убили, пнул, швырнул, застрелил* и др. Например: *Она работала в лесхозе, они сжигали какие-то бумаги, закапывали... мама, конечно, переживает, что мы все уничтожаем на огороде... Мы только потом узнали, что убили Майку...* [1. С. 267]; *Сказок бабушка Саша не рассказывала, с утра до поздней ночи она стирала, пахла, варила, жарила, белила, пасла корову* [1. С. 283]; в) предикаты психофизических состояний: *ошеломленный, посиневшая, окаменела, онемела, поражены, обезумела, лопалось, изревелась, визжали* и др. Например: *Стоял ошеломленный и не верил, что я в партизанах...* [1. С. 343]; *Мама обезумела* [1. С. 365]; *Они были поражены...* [1. С. 354].

Относительно абстрактная семантика наречных интенсификаторов, свободная сочетаемость с различными частями речи, а также большое разнообразие частно-семантических особенностей обуславливает их широкое употребление при выражении признака, усиленного в своем проявлении [3. С. 92]. Например: *И мне страстно завидовали, даже мальчишки в классе завидовали* [1. С. 237]; *Девятого мая мы проснулись утром оттого, что в подъезде кто-то очень сильно кричал; Особенно страдали свиньи, они не выносили жары и длительной дороги* [1. С. 274]; *А девочки очень плакали, были очень испуганы* [1. С. 276].

Наречные интенсификаторы, не имеющие яркой внутренней формы и потому отражающие более общий характер интенсивности, могут получать «заполнение своей опустошенности» через синонимические замены [3. С. 92]: *много – ведро – целый пук – груда – по пятнадцать-двадцать раз – куча* и др. Например: *К нам приближалась куча... самолетов...* [1. С. 290]; *У бабушки такой цетины – целый пук... Наутро – домой, но дома уже нет, только груда дымящихся головешек* [1. С. 244]; *Вышли фильмы о битве под Сталинградом и под Москвой, так мы по пятнадцать-двадцать раз их смотрели* [1. С. 243].

Многочисленны в повести С. Алексиевич местоимения, междометия, восклицания, служащие средством выражения высокой степени признака, эмоциональной оценки, наивысшей напряженности чувств и переживаний героев. Например: *Вот наши фашистам дадут! Вот наши придут!* [1. С. 260]; *И был у нас еще один враг – виш! Огромные, средние, маленькие! Черные! Серые!* [1. С. 262]; *Война!! Проклятая война...* [1. С. 360]; *Ой, деточки, сколько ж вас!* [1. С. 350]; *Тьфу!... Ах ты, козьявка...* [1. С. 314].

В создании максимальной экспрессии активно участвуют частицы, местоименные слова, образующие разного рода сочетания, заключающие в себе большие стилистические возможности. Например: *А как же!* [1. С. 238]; *Что ты... какой вопрос?* [1. С. 365]; *Ну и что?* [1. С. 321]; *Какой ужас!* [1. С. 311]; *Все-таки какую-то елку мы на Новый год ставили* [1. С. 394]; *И вот сколько мы ехали без него...* [1. С. 348].

В повторении одинаковых слов, в своеобразном подборе синонимов реализуется возможность организации экспрессивного развертывания мысли с одновременным интонационно-ритмическим и смысловым подчеркиванием ее существенных элементов: *По улице мимо нашего дома ведут человека... Почему-то помню его черным... все почему-то из тех дней помнится в черном цвете. Как или черные танки... снег стал тоже черным... Меня закутывают тоже во что-то черное...* [1. С. 244]; *Они плакали, видя, как гибнет добро, как гибнет живое. Это же не дерево, что упало и молчит, это все кричало, ржало, бляло, стонало* [1. С. 247].

Различные по формам повторы «создают интонационную атмосферу эмоционального напряжения, усиления, подъема» [2. С. 214]. Например: а) повтор отдельных слов и предложений: *Жить хочу! Жить хочу!* [1. С. 235]; б) повторы-подхваты: *Спала я в корыте. Корыто было цинковое... Как*

бы **корыто** ни мыли после стирки, привкус... оставался. Я любила... прижиматься к краям **корыта**... **Корытом** очень дорожили [1. С. 281]; в) повторы-словокомплесы: *С первого танка соскочил военный, подхватил меня на руки и **высоко-высоко** поднял* [1. С. 281]; г) повторы синтаксических формул: *Жалость? **Нет**. Брезгливость? **Нет**. Ненависть? **Тоже нет*** [1. С. 301]; д) повтор, сочетающийся с параллелизмом строения фраз: *Что есть дорожке наших детей? Что есть дорожке у лютого народа? У любой матери? У любого отца? А кто сосчитает, сколько детей убивает война, которая убивает их дважды? Убивает тех, кто родился. Убивает тех, кто... должен был прийти в этот мир* [1. С. 230]; е) повтор, сочетающийся с перечислением однородных членов, однородных придаточных: *Когда немецкие солдаты зашли в хату, мы залезли на печку... **когда спалили нашу хату, когда разбомбили деревенские «могилки»**... мать плакала: «Такая беда, детки, что **ни на земле, ни под землей** не спасешься...»* [1. С. 250]; *Как они отъехали, я стала смеяться. **Смеюсь и смеюсь**, десять минут прошло, а я смеюсь. **Хохочу! Мама меня ругает – не помогло. Мама меня просит – не помогло**. Сколько мы шли, столько я **хохотала**. Пришла домой – **хохочу**. В подушку зареюсь, успокоиться не могу – **хохочу**. И весь день я так **хохотала**... У меня до сих пор осталось, если испугаюсь, начинаю громко **хохотать*** [1. С. 284]; ж) повтор, участвующий в оформлении частей сложного предложения: *Я росла сорванцом, и мне было интересно посмотреть: **как это** летят бомбы, **как это** они свистят и **как** они падают?* [1. С. 246]; з) один вид повтора сменяется другим: *Я подойду к столу, **посмотрю** на еду... Я лучше буду **смотреть**, долго **смотреть**. То сбоку, то сзади **посмотрю*** [1. С. 262]; и) повтор, сочетающийся с градационным усилением: *То, что я тогда испытала, не могу назвать **страхом**, это было **что-то страшнее страха**... [1. С. 279]; к) повтор, участвующий в организации периода: *Как тосковали, когда наступило первое сентября сорок первого года и не надо было идти в школу. **Как** становились маленькими солдатами... **Как**, только встав на ящики, дотягивались до станков... **Как** получали на погибших отцов похоронки. **Как**, увидев после войны первый батон, не знали, можно ли его есть... **Как** уходила на фронт воспитательница из детдома, а они хором просили: «Папу найдите...» **Как** усыновляли их чужие люди. **Как** даже сейчас у них еще трудно спросить о маме [1. С. 231].**

В присоединительных конструкциях сочетания *до того/что, так/что, такой/что, столь/что* и др. – вводящие присоединяемый сегмент, сигнализируют о высокой степени проявления чего-либо, о чем говорится в основной части высказывания; часть данного сегмента, следующая за изъяснительным союзом **что**, раскрывает суть этого «проявления»; *Это так страшно, **что** у меня были мокрые ладошки* [1. С. 238]; *Было **такое** ощущение, **что** жизнь – это праздник* [1. С. 241]; *Гонимые... **настолько** устали, **что** им было все равно... [1. С. 274].*

В конструкциях с предлогом (приставкой) **до** отражается стремление экспрессивно выразить предел достижения чего-либо: *Все было выжжено **до желтого песка*** [1. С. 239]; *Раздели всех **догола**... [1. С. 330]; Немцы подскребли по хатам все **дочиста**... [1. С. 325]; *Одного ведра мне не хватило, чтобы убрать **до чистоты**... Воды было **по (= до горла) горло*** [1. С. 292]; *В отряд меня несли на руках, все во мне было отбито **от пяток до макушки**... [1. С. 282].**

Употребление фразеологических единиц со значением интенсивности признака вызвано тем, что они обеспечивают большую экспрессию, чем соотносимые с ними лексемы и свободные сочетания: *последние свидетели; родом из детства; животный страх; не было бы счастья, да несчастье помогло; поле боя; война войной, а читать и писать тебе надо учиться (обед по расписанию), краешком глаза, крыло в крыло, терпение лопнуло, ужалило в самую душу* и др. Например: *Случайно, краешком глаза прочитала мамино письмо папе* [1. С. 366]; *До этого я себе представлял, что погибают только на поле боя. Хотя имел малое представление о том, что такое – поле боя* [1. С. 255].

В ряду стилистических средств выражения значительности высказываемой мысли находятся приемы умолчаний, намеков и недосказанностей: *Утром, когда немцы уехали и мы вошли в дом, бабушка наша лежала на кровати голая, привязанная к ней веревками... Мне так стало страшно, что я закричала. Мама вытолкнула меня в другую комнату, но я же все видела... [1. С. 322].* Часты в рассказах «последних свидетелей» обрывы речи, которые передают сильное волнение, глубокие переживания. Например: *Первой не стало нашей изумительной мамы, потом не стало нашего папы, и мы ощутили, сразу почувствовали, осознали, что мы последние у той черты... У того края... Сегодня мы должны говорить... Последние свидетели... [1. С. 367].*

Глубина и острота психологического раскрытия фактов и событий, затронувших «сам нерв народной жизни», обнажение жизненных страданий «последних свидетелей» минувшей войны находи-

ла в каждом рассказе свое выражение. Реализация экспрессивных потенций языковых средств показывает **жанровое (на содержательном)**: повесть посвящена осмыслению событий-катастроф, которые касаются всех и каждого, масштабов, оценки и роли происходящего; рассказ демонстрирует наличие двух стихий в рамках одного повествовательного эпизода: «литературного повествователя» – «последнего свидетеля» и «автобиографического молчаливого (незримого) автора», молчание которого – это «застывшие в горле слова»; принцип повествования, основанный на воспоминаниях рассказчика о кровавых событиях и ведущийся от его лица, характерен для литературно-документальной прозы, «репортажа» с места исторических событий; **на сюжетно-композиционном**: приводятся концентрированные варианты развития событий, воспроизводятся кульминационные (трагические, памятные, страшные и др.) моменты жизненного пути и т.д.; **на типологическом**: рассказчики – дети войны, «последние свидетели» – положительные герои; фашисты, немцы, каратели, полицейские, Гитлер и др. – отрицательные деградирующие типы, деятельность которых опасна не только для окружающих, но и для всего человечества) и **языковое** своеобразие, включающее разные средства интенсификации высказывания, максимальной экспрессии.

* * *

1. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо: Повести. М.: Советский писатель, 1988. 368 с.
2. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 288 с.
3. Муминов В.И., Муминова Н.Ф. Свообразие языковой и стилистической манеры М.Е. Салтыкова-Щедрина (на материале главы «История о шести градоначальниках» романа «История одного города») // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 6. С. 90-98.

Поступила в редакцию 20.04.17

V.I. Muminov

**MEANS OF CONVEYING THE MAXIMUM EXPRESSION IN THE NOVEL “LAST WITNESS”
BY S. ALEXIEVICH**

This article focuses on the research of the means of the maximum expression from the novel «Last Witnesses» by S. Alexievich. First of all, the important vocabulary expressing the extreme psychological and emotional state of the characters was noted and categorized. Pronominal words and insignificant vocabulary which often interact creating expressive units and constructions with the meaning of gradation, with a high degree of displaying features, etc., were considered by themselves. Also, the author highlighted stylistic devices increasing the degree of expressiveness of the novel, the optimizing rhythmic and tonal structure of speech, and filling it with semantic and stylistic information.

Keywords: maximum expression, intensification, intensive, expression.

Муминов Владимир Исмаилович,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
Института филологии, истории и востоковедения
ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет»
693008, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290
E-mail: lingua-star@inbox.ru

Muminov V.I.,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor at Department of Russian language
of the Institute philology, history and oriental studies
Sakhalin State University
Lenina st., 290, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, 693008
E-mail: lingua-star@inbox.ru